

Зеленая коса* — эпизод 5 из 6

У Оли подгибались колени. Я сделал вид, что отер слезу... Мимо нас по террасе то и дело пробегали бледные, встревоженные члены нашей банды с озабоченными, испуганными лицами.

Кровь остановилась... шепнул мне магистр физики так, чтобы услышала Оля. Идемте! шепнула Оля и взяла меня под руку.

Мы спустились вниз по террасе... Ночь была тихая, светлая... Звуки рояля, шёпот темных деревьев, трещанье кузнечиков ласкали слух; внизу тихо плескалось море.

Оля едва шла... Ноги ее подгибались и путались в тяжелом платье. Она дрожала и со страха жалась к моему плечу.

Но ведь я же не виновата... шептала она. Клянусь вам, что я не виновата. Так угодно было папе... Он должен это понять... Опасно?

Не знаю... Михаил Павлович сделал всё возможное. Он хороший доктор и любит Егорова... Мы подходим, Ольга Андреевна...

Я... я не увижу ничего ужасного? Я боюсь... Я не могу видеть... И для чего это он вздумал?

Оля залилась слезами.

Я не виновата... он должен был понять. Я ему объясню.

Мы подошли к беседке.

Здесь, сказал я.

Оля закрыла глаза и обеими руками ухватилась за меня.

Я не могу...

Не пугайтесь... Егоров, ты еще не умер? крикнул я, обращаясь к беседке.

Пока еще нет... А что?

У входа в беседку показался освещенный луною поручик, растрепанный, бледный от перепоя, с расстегнутым жилетом...

А что? повторил он.

Оля подняла голову и увидела Егорова... Она посмотрела на меня, потом на Егорова, потом опять на меня... Я засмеялся... Лицо ее просияло. Она вскрикнула от радости, сделала шаг вперед... Я думал, что она на нас рассердится... Но эта девочка не умела сердиться... Она сделала шаг вперед, подумала и бросилась к Егорову. Егоров быстро застегнул жилет и растопырил руки. Оля упала ему на грудь. Егоров засмеялся от удовольствия, повернул в сторону голову, чтоб не дышать на Олю, и забормотал какую-то чепуху.

Вы не имеете права... Я не виновата, залепетала Оля. Так угодно папе, маме и

т.д.

Я повернул назад и быстро зашагал к освещенному замку.

В замке между тем публика готовилась к поздравлению жениха и невесты и нетерпеливо поглядывала на часы... В передних толпились лакеи с подносами; на подносах стояли бутылки и бокалы. Чайхидзев нетерпеливо мямл правую руку в левой и глазами искал Олю. Княгиня ходила по комнатам и искала Олю, чтоб дать ей наставление, как держать себя, что ответить матери и т.д. Наши улыбались.

Не знаешь, где Оля? спросила меня княгиня.

Не знаю.

Поди поищи.

Я сошел в сад и, заложив руки назад, обошел раза два вокруг дома. Наш художник заиграл на трубе. Это значило: Держи, не выпускай! Егоров отвечал из беседки криком совы. Это значило: Хорошо! Держу!

Походив немного, я вошел в дом. В передних лакеи поставили подносы на столы и, стоя с пустыми руками, тупо поглядывали на публику. Публика, в свою очередь, с недоумением поглядывала на часы, на которых большая стрелка показывала уже четверть. Рояли замолкли. Во всех комнатах царила глубокая, томительная, глухая тишина.

Где Оля? спросила меня багровая княгиня.

Не знаю... В саду нет.

Княгиня пожала плечами.

Разве она не знает, что уже давно пора? спросила она, дернув меня за рукав.

Я пожал плечами. Княгиня отошла от меня и зашептала что-то Чайхидзеву.

Чайхидзев тоже пожал плечами. Княгиня и его дернула за рукав.

Дурралей! заворчала она и забежала по всему дому. Горничные и гимназисты, родственники княгини, с шумом сбежали по лестнице и отправились в глубину сада искать исчезнувшую невесту. Я тоже пошел в сад. Я боялся, что Егоров не сумеет задержать Олю и испортит задуманный нами скандал. Я направился к беседке. Напрасно я боялся! Оля сидела возле Егорова, водила перед его глазами своими пальчиками и шептала, шептала... Когда Оля переставала шептать, начинал бормотать Егоров. Он внушал ей то, что княгиня называет идеями... Каждое свое слово он подслащивал поцелуем. Он говорил, лез ежесекундно целоваться и в то же время отворачивал в сторону свой рот, боясь, чтобы Оля не почуяла водочного запаха. Оба они были счастливы, забыли, по-видимому, всё на свете и не замечали времени. Я постоял немного у входа в беседку, возрадовался духом и, не желая нарушать счастливого покоя, пошел к замку.

Княгиня выходила из себя и нюхала спирт. Она терялась в догадках, сердилась, стыдилась гостей, жениха... Она никогда не дерется, но дала

горничной пощечину, когда та доложила ей, что княжны нет нигде. Гости, не дождавшись шампанского и поздравлений, заулыбались, зашплетничали и опять взялись за танцы.

Пробил час, Оля не показывалась. Княгиню разбирало бешенство.

Это всё ваши штуки! шипела она, проходя мимо кого-либо из нас. Будет ей на орехи! Где она?

Наконец нашелся благодетель, который сообщил ей, где Оля... Этим благодетелем оказался маленький пузатый гимназистик, племянник княгини. Гимназистик прибежал из сада, как угорелый, подскочил к княгине, сел ей на колено, пригнул к себе ее голову и зашептал ей на ухо... Княгиня побледнела и до крови укусила себя за губу.

В беседке? спросила она.

Да.

Княгиня поднялась и с гримасой, похожей на официальную улыбку, объявила гостям, что у Оли болит голова, что она просит извинить и т.д. Гости изъявили сожаление, наскоро поужинали и начали разъезжаться.

В два часа (Егоров поусердствовал и задержал Олю до двух) я стоял у входа на террасу за стеной из олеандровых деревцов и ждал возвращения Оли. Мне хотелось посмотреть на Олино лицо. Я люблю женские счастливые лица. Мне хотелось посмотреть, как любовь к Егорову и в то же время страх перед матерью совместятся на одном и том же лице; и что сильнее: любовь или страх? Я недолго дышал запахом олеандров. Оля скоро показалась. Я впился глазами в лицо ее. Она шла медленно, приподняв немного платье и показывая свои маленькие башмачки.